

да вы меня знаете? Что, я у вас концерт давал?», а сам толкает моего брата... А пограничник уже и не смотрит документы, ищет что-нибудь для автографа и, не глядя, ставит штамп. Одно присутствие Володи Высоцкого решило тогда то, что не могли решить две солидные организации.

«Я вот такую же хочу!»

Автомобили, конечно, были самой большой Володиной слабостью. Синий

не знал, что сказать Марине, и попросил меня ей позвонить. «У меня такое чувство, — сказал он тогда, — что они хотят, чтобы я там остался. Но я же не смогу там жить!» Он всегда очень боялся, когда уезжал за границу, что однажды его не пустят обратно в Союз. А на этот раз ему в ОВИРе сказали что-то вроде: «Вы так часто ездите, может быть, вам проще остаться?..» И он, конечно, был очень возмущен. Ведь он не мыслил себя без России, а его как будто даже подталкивали к этому.

судьбы мои — кривая да нелегкая»

«мерседес» ему помог выбрать и купить в Мюнхене мой друг Роман Фрумзон. На этой машине они с Мариной поехали от меня в Кельн, потом в Париж. В следующий свой приезд в ФРГ он мне вдруг говорит: «Бабек, ты должен продать мне свою машину! Я хочу такую, как у тебя... Я вот такую же хочу!» Это был спортивный «мерседес» — его не так легко купить... А Володя долбил-долбил меня и все-таки уговорил. Этот второй коричневый «мерседес» после смерти Володи друзья привезли ко мне, и он долго стоял, пока его не забрала Марина.

«Не могу там жить!»

Однажды Володя приехал ко мне очень возбужденный — ему отказали в ОВИРе. Театр тогда должен был ехать в ГДР, а Высоцкий после хотел попасть во Францию. А теперь он даже

**Посторонних —
не было**

Валерий Нисанов: «С Высоцким я познакомился на Матвеевской, где Володя снимал квартиру. А в 1975 году мы с Володей стали соседями по дому и подъезду на Малой Грузинской улице: Володя жил на восьмом этаже, я — на десятом.

Его дом никогда не был открытым домом для всех, как сейчас многие хотят представить. Он прекрасно понимал, кто есть кто. Да, Володя мог общаться с кем угодно. К нему мог прийти какой-нибудь министр, или появлялась женщина из Сибири, которая только что освободилась, или пионерский отряд — с горном и барабаном... Но это были случайные люди.

Как-то Володя, зайдя ко мне, увидел на стене фотографию, где я был снят вместе с Левоу Кочаряном. Володя остановился перед ней и долго-долго

го смотрел. И вдруг... у него началась истерика, самая настоящая. Что между ними когда-то произошло, я не знаю. Но с этого дня Володя почти каждый день бывал у меня, — два месяца мы практически не расставались.

Последние дни

На «Гамлете», который он сыграл последний раз 18 июля 1980 года, Володе вызвали «скорую помощь». Из дома в эти дни он выходил редко.

В последнее время он часто мне говорил: «Нисанов, мне плохо! Мне плохо, Нисанов!» Он не находил себе места, стонал, метался по квартире. В голосе безумное страдание, а глаза серьезные, просто впивающиеся в тебя.

Помню разговор на балконе, когда Володя вдруг стал рассказывать про своих друзей: «Артур Макаров... Вот ты его не знаешь, а он мой старый друг». В эти дни он несколько раз пытался найти его по телефону, хотел видеть. Вспоминал Левоу Кочаряна, у которого он не был на похоронах, рассказывал про их дружбу.

24 июля где-то до часу ночи у меня сидели Вадим Туманов, Сева Абдулов, Володя Шехтман, Валера Янклович... Около двух часов позвонил Федотов: «Принеси Володе немного шампанского». Я принес бутылку и поднялся к себе. Проснулся от звонка в дверь. Валерий Янклович сказал: «Володя умер».

В большой комнате уже сидел Юрий Петрович Любимов. Он звонил Гришину, потом Андропову: можно ли хоронить Владимира Высоцкого из театра? Ведь он не был ни народным, ни заслуженным... Гришин ответил: хороните как хотите... хоть как национального героя...

На следующий день мы поехали на Ваганьковское кладбище. Директор долго водил нас по окраинам... Потом Кобзон зашел с ним в кабинет — и мы получили это место».

**«Тебя хоронили,
как будто
ты гений...»**

Юрий Петрович Любимов: «25 июля в пять утра меня разбудил Давид

Боровский и сказал, что Володя умер. Вопрос о похоронах решался на самом высоком уровне. Вначале был возмущительный приказ о ритуале похорон, на что я ответил, что выполнять его не буду. «Владимира будут хоронить его друзья! Вы же его травили!» Потом они проконсультировались и решили в этом вопросе уступить.

Я уже говорил, что действительно стал уважать москвичей за то, как они проводили своего поэта в условиях закрытого города: шла Олимпиада. Стояла дикая жара и было совершенно необыкновенно, что люди не себя защищали от зноя зонтами, а цветы».

Бабек Серуш: «У меня есть видеозапись похорон Володи. Во время съёмки к моему сотруднику Джорджу Диматосу подошел генерал МВД и сказал, что снимать запрещено. Нас выручил Иосиф Кобзон. Он сказал тогда генералу: «И вам не стыдно, что я — еврей Кобзон — должен просить вас, чтобы эти люди могли снять похороны русского поэта!»

Евгений Евтушенко: «Услышал о похоронах Володи запоздало по американскому радио, когда мы с друзьями на моторных лодках плыли в Монголии по Селенге...

В декабре 1980 года я написал стихи «В продаже — Высоцкий». В последний момент Главлит снял целый кусок со слов «Тебя хоронили, как будто ты гений...» Редактор «Юности» мне сказал, что, по мнению шефа Главлита Романова, я отождествляю самого Высоцкого с каторжником и, следовательно, всю советскую систему с тюрьмой.

Над моим столом висит последний подарок Володи — его фотография на станции Зима. Это был самый дорогой подарок, который он мог мне сделать».

По материалам информационного бюллетеня «Вагант» Государственного культурного центра-музея В. С. Высоцкого материал подготовлен Ириной АФОНИНОЙ. Редакция благодарит З.И.ЛИХАЧЕВУ за помощь в подготовке материала.

«Дом Высоцкого на Таганке» расположен по адресу: Нижне-Таганский тупик, д. 3, кв. 2, Р/с 609743 в Таганском филиале Индустриального банка г. Москвы. Тел.: 272-59-21; 272-06-00.

«ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ»

Похороны первого барда стали, по точному наблюдению А. Градского, его «последним концертом» и крупным событием в русской истории — фактически это была первая массовая политическая манифестация в Москве с 1927 года, когда троцкисты осмелились выйти на улицы против нарождающейся азиатской деспотии. Теперь деспотия клонилась к закату. И даже основательная «олимпийская» чистка Москвы, на улицах которой в июле 1980 было больше людей в форме (призванных со всего Союза), чем в штатском, не помешала огромной массе народа (по оценкам милиции, около 150 тыс. человек) собраться к театру на Таганке, чтобы проводить в последний путь своего народного поэта. Когда власть в оскорбительной форме отказала людям даже в этом (в праве попрощаться), кордоны МВД, КГБ и олимпийских голубых «дружинников» (специально для иностранцев в веселенькой униформе)

ский». А с двух сторон к нему приближались мрачные серые фигуры с недвусмысленными намерениями. И тут вся площадь как по команде повернулась к этому панно и сказала «Не смей!». То есть кричали все разные, кто — «Опричники!», кто — «Позор!», кто — «Долой!», но получился такой мощный вопль 100-тысяче-голового существа, что серые фигуры за-

Последний концерт Высоцкого

ме) были сметены, и огромную Таганскую площадь заполнило людское море. То тут, то там возникали схватки с милицией. Над эстакадой поднималось панно «Наш советский образ жизни», на которое забирались молодые люди, чтобы сверху видеть театр. Непонятно ради чего их стали оттуда сбрасывать; наконец остался один простой мужичок пролетарского вида, он сидел в центре панно с бычком «Беломора» в зубах и его грязные ботинки приходились как раз на слово «совет-

мерли. Так и зафиксировалась на несколько секунд немая сцена: мужичок с «Беломором», две фигуры из Салтыкова-Щедрина с протянутыми к нему руками, и под всем этим безобразием надпись: «Наш советский образ жизни».

Помню тех, кто стоял тогда плечом к плечу на площади: рабочий Леня Дубоссарский, художник-концептуалист Свен Гундлах, мастер путей со станции «Лихоборы» Сергей Семин, математик Женя Матусов...

Это и была будущая аудитория рок-музыкантов 80-х.

